
Евгения
КЕЦ
Дуа
Мант
СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
Новый год с
БОССОМ
Бывшим вход закрыт

Евгения Кец

Новый год с боссом. Бывшим вход закрыт

«Автор»
2026

Кец Е.

Новый год с боссом. Бывшим вход закрыт / Е. Кец — «Автор», 2026

— Квест выполнен. Деньги мои.Я медленно сажусь, натягивая на себя простыню. Холодный шёлк прилипает к влажной коже.— Что ты имеешь в виду?— Я выиграл спор, — поясняет Гордей, спуская ноги с кровати. — Три месяца назад мы с пацанами поспорили, что я смогу уложить первую скромницу института в постель. Ну и вот. Я выиграл.— Ты — голос срывается, превращаясь в хрип. — Ты всё это время просто— Это была игра, Светик.Он оборачивается, и его улыбка становится шире. Та самая улыбка, от которой у меня всегда подкашивались ноги.Теперь она выглядит как жуткая гримаса.— Признайся, в глубине души ты это подозревала. Кто на такую пышку позарится? Да я тебя из жалости взял. Для спортивного интереса.В ту ночь моя жизнь рухнула. Он выиграл спор, а я осталась с ребёнком на руках.Но я не сдалась, стала сильной, привела себя в порядок и открыла кондитерскую с ПП-десертами, сделав свои слабости своей силой.И всё было отлично, пока под Новый год на моём пороге не появился он

© Кец Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Новый год с боссом. Бывшим вход закрыт

Пролог

— Мы с тобой расстаёмся.

Голос Гордея звучит тихо, прямо над моим ухом. Секунду назад он шептал мне всякие нежности, а теперь… вот это.

Сердце пропускает удар, кожа покрывается мурашками. Мне послышалось? Или, может, уснула у него на плече?

— Что?

В спальне полумрак, сквозь щели в шторах пробиваются острые лучи утра. Воздух всё ещё пахнет нами.

— Я говорю, мы расстаёмся. Да ты, на самом деле, никогда мне не нравилась.

Гордей тянется к тумбочке, берёт телефон. Экран вспыхивает, освещая его спокойное, сосредоточенное лицо.

Он набирает сообщение. Пальцы стучат по стеклу безо всякой спешки.

Я слышу лёгкий щелчок отправки.

— Всё, — говорит он, кладя телефон обратно.

Его взгляд, наконец, падает на меня.

В карих глазах, которые час назад горели страстью, теперь — лёгкая усмешка. И больше ничего.

— Квест выполнен. Деньги мои.

У меня в груди что-то обрывается.

Я медленно сажусь, натягивая на себя простыню. Холодный шёлк прилипает к влажной коже.

— Что ты имеешь в виду?

— Я выиграл спор, — поясняет Гордей, спуская ноги с кровати. — Три месяца назад мы с пацанами поспорили, что я смогу уложить первую скромницу института в постель. Ну и вот. Я выиграл.

Каждое слово — как удар тупым ножом. По самому больному. По тому, что я годами прятала под слоями одежды и улыбок.

— Ты… — голос срывается, превращаясь в хрип. — Ты всё это время… просто…

— Это была игра, Светик.

Он оборачивается, и его улыбка становится шире. Та самая улыбка, от которой у меня всегда подкашивались ноги.

Теперь она выглядит как жуткая гримаса.

— Признайся, в глубине души ты это подозревала. Кто на такую пышку позарится? Да я тебя из жалости взял. Для спортивного интереса.

Он встаёт и начинает одеваться.

Мой мир трещит по швам. Его слова эхом отражаются внутри моей головы.

Гордей застёгивает ремень, поправляет манжеты рубашки. Потом лезет в карман и достаёт что-то маленькое, блестящее.

— На, — говорит он, протягивая мне. — Сувенир.

Я машинально раскрываю ладонь. На неё падает дешёвый серебристый кулон в виде сердечка. Такие в киосках продают.

— Носи на здоровье. Вспоминай меня иногда, — он усмехается и проводит пальцами по моей щеке.

Я дёргаюсь, как от удара током.

Он поворачивается и уходит. Шаги в прихожей. Щелчок замка.

Тишина.

Я сижу, сжимая в пальцах кулон. Острые края впиваются в кожу.

Потом смотрю на закрытую дверь. На пустую половину кровати. На смятую простыню.

«Пышка».

«Кто на такую позарится?»

«Взял тебя из жалости».

Слова начинают кружиться в голове, набирая скорость, сливаясь в оглушительный гул. В горле встаёт ком, мешая дышать.

Тело начинает трясти мелкой дрожью. Сначала руки. Потом плечи. Потом всё.

Слёзы подступают медленно, будто из какой-то бездонной скважины внутри. Первая капля падает на кулон. Потом вторая.

Я сжимаю его так сильно, что боль прорезает ладонь. Но это ничего.

Это ничто по сравнению с той пустотой, что разверзлась внутри.

Он смеялся.

Всё это время смеялся.

А я… я верила. Я думала, это оно. То самое, о чём пишут в книжках.

Я глупая. Жирная. Смешная.

Рыдания накрывают с головой. Я падаю на подушку, которая ещё пахнет им, и задыхаюсь от собственных слёз. Они хлещут по щекам, а я вся трясусь, прижимая к лицу кулак с этим дурацким сердечком.

Я снова одна.

Самое ужасное — он был прав.

Кто на такую позарится?

Глава 1

Утром я стою под навесом вокзала. В голове гудит, глаза горят от бессонницы и слёз.

Идёт густой снег. Вокзал украшен к Новому году, всюду гирлянды и пожелания счастья.

Люди встречают родных друзей, несут в руках подарки и ёлки. Праздничная суета, среди которой я чувствую себя особенно тоскливо.

В толпе, хлынувшей с прибывшего поезда, мелькает знакомое клетчатое пальто и пёстрая сумка-тележка. Мама.

Она пробивается ко мне, лицо раскраснелось от духоты и напряжения. Увидев меня, она широко улыбается, но улыбка замирает, не доходя до глаз.

— Светка? Что с тобой? Выглядишь, как… — она не договаривает. — Ой, да что случилось-то?

Слёзы хлещут сами. Противные, предательские, горячие. Я пытаюсь что-то сказать, но выдавливаю только хриплое:

— Он… Гордей… Мам…

Мы протискиваемся к стене, подальше от потока людей. Я, захлёбываясь и сбиваясь, выпаливаю историю.

Про спор. Про «жалость». Про кулон.

Мама слушает, и её лицо постепенно меняется. Когда я заканчиваю, просто тихо всхлипывая в ладони, она тяжело и раздражённо вздыхает.

— Ну, Светлана. А ты себя в зеркало-то видела?

Я замираю не понимая.

— Что?

— В зеркало! — резко повторяет она. — Ну, конечно, он прав! Кто на такую позарится? Вечно ты в этих своих пончиках да пирожных копаешься! Сама-то подумай — пришёл красивый, перспективный парень, а ты и пальцем не шевелишь, чтобы в порядок себя привести!

Она говорит, размахивая руками, указывая на мою фигуру, и каждое слово бьёт точно в цель, в ту самую больную точку, которую только что так мастерски разворошил Гордей.

— Мама… — шепчу я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Ты… ты меня поддержишь хоть?

— Поддержу?! — фыркает она. — Я тебе правду говорю! Надо было умнее быть! Не распускаться! Мужики не мухи, на сладкое не слетаются! Нет уж, дорогая. Учись на ошибках! Меньше жрать, больше двигаться!

— Да ты сама вечно таскаешь мне сладости! — взрываюсь я и рывком раскрываю одну из маминых сумок. — Вот! Это что?!

— Булочки твои любимые, — слегка растерянно отвечает мама.

— Всё! Больше не любимые!

Я выхватываю пакет с булками и бросаю его на перрон. Выпечка разлетается под ногами спешащих людей. Кто-то наступает на булочку, смешивая её с грязью.

— Ты ненормальная?! — возмущается мама.

Я не отвечаю. Молча разворачиваюсь и ухожу прочь.

— Светка! А ну, вернись! Я же к тебе приехала, между прочим!

Её крики теряются за спиной в шуме вокзала. Я иду, не разбирая дороги. Дождь бьёт в лицо, смешиваясь со слезами.

Хорошо.

Отлично.

Значит, с этого дня я буду жить только для себя.

***

Новый год я встречаю одна. И под бой курантов даю себе клятву измениться.

Я впервые за долгие годы разглядываю себя без иллюзий.

Выбрасываю всё сладкое из дома. Каждую запрятанную «на чёрный день» шоколадку.

Записываюсь в ближайший спортзал. На первую тренировку прихожу в мешковатом старом костюме, краснея от каждого своего движения.

Но я стою до конца. Через боль, через тошноту, через стыд.

Питаюсь варёной куриной грудкой, гречкой, овощами. Взвешиваюсь каждый день.

Сначала изменения мучительны и незаметны. Потом — чуть быстрее. Потом слышу первые комплименты. Начинаю ловить на себе взгляды на улице.

Я превращаю свою боль в топливо. Каждое воспоминание о его смехе, о словах матери — в ещё одно повторение на тренажёре, в ещё один лишний круг по парку.

А когда через месяц на тесте проявляются две неоспоримые полоски, мир не рушится. Он просто становится другим.

Я сижу на краю той же самой ванной и не плачу. Смотрю на эти полоски и думаю. Расчётливо, холодно.

Гордей имеет право знать?

Нет.

Он потерял это право, когда назвал наш роман «квестом».

Но какая-то глупая часть меня всё ещё цепляется за призраки.

Я еду к институту, где в последнее время бываю редко.

И подхожу к крыльцу ровно в тот момент, когда он выходит из парадных дверей.

Не один.

С ним девушка. Высокая, стройная, с длинными каштановыми волосами и звонким смехом. Первая красавица вуза, лицо с обложек студенческих журналов.

Гордей обнимает её за плечи, что-то говорит на ухо, и она закидывает голову, смеясь ещё громче.

Они выглядят как идеальная картинка из глянца. Молодые, красивые, беспечные.

Моя рука инстинктивно ложится на ещё плоский живот.

Всё.

Вопросов больше нет.

Он ни капли не сожалеет. Он просто живёт своей яркой, успешной жизнью. А я и наш ребёнок — мы для него ничего не значим.

Я резко разворачиваюсь и ухожу. На этот раз — навсегда.

Глава 2

Шесть лет спустя.

Моя жизнь теперь вращается вокруг двух осей: маленькая ПП-кондитерская «Сладкая история» и мой сын Альберт.

Он тихий, вдумчивый мальчик с карими глазами и тёмными волосами. Очень умный для своих пяти лет.

Рано начал читать, обожает энциклопедии про динозавров и космос, и его вопросы порой ставят меня в тупик.

Но по вечерам он всё так же забирается ко мне на колени, требуя сказку, и засыпает, прижавшись щекой к моей груди.

Свою любовь к сладкому я превратила в прибыльное дело. Сначала пекла низкокалорийные тортики и делала шоколадки на дому. А четыре года назад открыла кондитерскую с пп-десертами.

Всё сама: от выпечки бисквитов до мытья полов. Потом взяла в помощницы весёлую студентку Настю.

Дела идут. Клиенты, слава богу, есть.

Но в последний год всё катится под откос. Аренда растёт. Конкуренция всё сильнее. Рентабельность тает на глазах.

Сегодня утром я сижу у себя, безуспешно пытаясь свести цифры в таблице. Из торгового зала пахнет мандаринами и корицей.

Слышу, как Настя продаёт очередным клиентам имбирные пряники в форме человечков. Под Новый год они пользуются спросом.

Альберт сидит в углу за детским столиком, читая какую-то книжку.

— Мам, — говорит он, не отрываясь от страниц. — У нас финансовые трудности?

Я вздрагиваю. Откуда он знает такое словосочетание?

— Откуда ты знаешь такие взрослые слова, сынок? — устало улыбаюсь я.

— Прочитал. У нас проблемы, да?

Горький комок подкатывает к горлу.

— Нет, солнышко. Просто… маме нужно принять сложное решение.

Решение созревает мучительно, но оно единственное. Продать бизнес. Но не уходить.

Договориться с новым владельцем остаться управляющей или, на худой конец, простым кондитером. Сохранить дело, в которое вложила душу, даже если оно больше не будет моим.

Мысль режет по живому, но даёт слабую надежду.

Я уже подала объявление, но пока что никто не заинтересовался. Готовый бизнес в нашей сфере непросто продать. Да ещё и с моими условиями.

Тем более, уже конец декабря, Новый год на носу. Вряд ли получится заключить сделку.

А с января опять поднимают аренду… Даже не знаю, как быть.

И будто в ответ на мои терзания, звонит телефон. Незнакомый номер.

— Светлана Анисимова? Вас беспокоят инвестиционное агентство «Перспектива». Нам порекомендовали вашу кондитерскую как интересный объект для инвестиций. У нашего клиента есть предложение, которое, мы уверены, вас заинтересует. Возможна встреча сегодня?

Сердце ёкает. Это же спасение.

Я быстро называю адрес и время — через два часа. Вешаю трубку, чувствуя себя так, будто вытащила выигрышный лотерейный билет.

Два часа пролетают в лихорадочной подготовке. Мы с помощницей прибираемся в зале, выставляем на витрину самые удачные десерты. Альберта я прошу посидеть тихо в моём кабинете.

Ровно в назначенное время за окном притормаживает чёрный, блестящий внедорожник. Дорогой, агрессивный, совершенно не вписывающийся в наш скромный дворик.

Замечая машину, я бросаюсь поправлять покосившиеся новогодние фонарики. Поворачиваюсь спиной к двери.

Звенит колокольчик, в кондитерскую врывается поток холодного воздуха.

И раздаётся голос. Низкий, бархатный, до боли знакомый.

Голос, который шесть лет звучал только в моих кошмарах.

— Ого… Какой орешек.

Он говорит не про десерт. Судя по всему, его восхитил мой вид сзади. Ещё бы, теперь я выгляжу совсем иначе...

Я застываю, чувствуя, как вся кровь отливает к ногам, а сердце, наоборот, замирает где-то в горле.

Медленно, через сопротивление, я поворачиваюсь.

В дверях, сняв перчатки, стоит Гордей Краснов.

Он почти не изменился. Стал взрослее, увереннее. Короткая бородка идеально обрамляет его улыбающееся лицо.

Гордей смотрит на меня, и в его карих глазах появляется изумление, а затем — пристальный интерес.

Его взгляд скользит по мне — по новой фигуре, по стильному платью, по собранным в пучок светлым волосам.

Он узнаёт меня. Конечно, узнаёт.

А потом его взгляд смещается в сторону. Я поворачиваюсь следом за ним и вижу, что из моего кабинета выглядывает Альберт.

— Мам, ты скоро? — спрашивает сын, глядя на меня.

— Д-да, сынок, — шепчу я и взмахиваю рукой, чтобы он скрылся в кабинете, но он не торопится, изучая гостя.

Время останавливается.

Улыбка сползает с лица Гордея. Он пристально смотрит на Альберта, прищурившись, будто разгадывает сложнейший ребус. Его взгляд скользит ко мне, потом снова к мальчику, выискивая, сравнивая.

Он делает шаг вперёд, проигнорировав стойку, проигнорировав всё вокруг. Останавливается в метре от меня.

Его глаза, теперь тёмные и совершенно нечитаемые, впиваются в меня.

— Здравствуй, Света, — произносит он.

Я молчу, не в силах произнести ни слова.

Гордей медленно поднимает палец и указывает в сторону Альберта. Голос срывается на опасный, хрипловатый шёпот.

— Это наш сын?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.